

УДК 330.8

*А.П. Заостровцев***ДИСКУССИЯ О МОДЕРНИЗАЦИИ: ВЕДЕТ ЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ К ДЕМОКРАТИИ?**

Участники дискуссии рассматривали утверждение, что экономическое развитие объясняет возникновение и существование демократии, которое известно, как «постулат Липсета», сформулированный Сеймуром Липсетом в статье 1959 г. Большинство авторов полагают, что такая простейшая версия теории модернизации стоит на шатких основаниях. В лучшем случае имеются лишь ограниченные свидетельства в ее поддержку. Ряд участников обсуждения высказались в пользу усложненных версий теории модернизации, предполагающих, что рост доходов способствует демократии: а) в среднесрочном или долгосрочном периодах; б) в зависимости от определенных «триггеров» (пусковых механизмов) распада авторитарного режима. Имеется больше свидетельств в пользу наличия связи между доходом и устойчивостью уже имеющейся демократии («постулат Пшеворского»). При рассмотрении выживания демократии доход может даже иметь безусловное и незамедлительное влияние. К. Вельцель описывает, как рост материальных ресурсов (таких как деньги) и когнитивных ресурсов (таких как образование) сдвигает предпочтения людей от забот о выживании к свободе и самореализации – эмансипативным ценностям. Д. Асемоглу и Дж. Робинсон утверждают, что отсутствует тенденция перехода стран к демократии по мере того, как они становятся более «модернизированными», будь то выражено в росте душевого дохода или образования. Изначальные условия порождают экстрактивные или инклюзивные институты, которые впоследствии сдвигают общества на разные пути модернизации и развития. Г. Мунк заявляет, что большинство исследований противоречат ожиданиям теории модернизации: отсутствует как позитивная, так и негативная связь между доходом и демократией. Он заключает, что теория модернизаций – это провалившаяся теория. Необходимо ее отбросить и продвигаться по более обещающим направлениям исследования.

Ключевые слова: теория модернизации, связка «доход-демократия», постулат Липсета, условная модернизация, триггеры, устойчивость демократии, постулат Пшеворского, эмансипативные ценности, экстрактивные институты, инклюзивные институты, модернизация как провалившаяся теория.

В 2018 г. в издании Американской политологической ассоциации «Анналы сравнительной демократизации» прошла дискуссия ряда признанных исследователей под многоговорящим общим названием «Должна ли выжить теория модернизации?» В центре внимания оказался давно и широко известный постулат политолога С. Липсета, подтверждающий, что экономическое развитие ведет к демократизации [1]. Большинство участников обсуждения так или иначе представляли данную причинно-следственную зависимость как содержание понятия модернизация: она виделась им как обусловленный социально-экономическими достижениями прогресс в области демократии. Относительно актуальности такой интерпретации теории модернизации мнения дискуссантов разделились, но даже те, кто не отвергал ее как таковую, не могли принимать эту точку зрения без существенных поправок.

Политолог из США К. Бош подчеркивал, что демократизация происходит вслед за экономическим развитием далеко не сразу, а только в среднесрочном или даже долгосрочном периоде. Однако общая закономерность сохраняется: ежегодная вероятность перехода авторитарных стран к демократии (то есть вероятность того, что некая авторитарная страна X в течение предстоящего года начнет трансформироваться в демократию) составляет 0 % для стран со среднедушевым доходом ниже \$1000 и около 5 % для стран, где этот показатель \$ 6000 и выше. Причем 10 %-е увеличение дохода приводит с лагом в 10–20 лет к повышению индекса демократии (нормализованного от 0 до 1 индекса Polity IV) на 0,01 пункта [2. Р. 12].

Механизм такого воздействия роста среднедушевых доходов (они принимаются за обобщенный показатель экономического развития ради удобства статистического анализа) на демократизацию описывается чисто экономически. При этом отбрасываются любые связанные с ценностями подходы, а в противовес им выдвигаются три раскрывающих природу рассматриваемого процесса фактора. Во-первых, рост доходов снижает предельную полезность дополнительного дохода и состоятельное население, таким образом становится все менее чувствительным к характерному для демократии перераспределению в пользу необеспеченных. Во-вторых, рост доходов и, в долгосрочной тенденции, более равное их распределение ведут к снижению остроты политических конфликтов, что, естественно,

благоприятствует демократии. В-третьих, прогресс экономики ведет к смещению богатства от недвижимых активов (например, земли) к мобильному капиталу, что уменьшает налоговое давление в силу того, что обладатели такового могут угрожать его выводом, а, следовательно, издержки демократии сокращаются и состоятельные граждане становятся более склонными принимать демократические порядки [2. Р. 14].

В другой статье, авторами которой стали сразу семь политологов из Норвегии, США, Дании и Швеции, приводится гораздо более умеренная трактовка связи экономического развития с демократией. Последнюю они рассматривали как сложное явление, вбирающее в себя целый ряд компонент. Были задействованы характеристики различных сторон демократии, представленные разработчиками проекта V-Dem (Varieties of Democracy), а также традиционные измерители уровня демократии: Polity IV, Freedom House и ряд других. По итогам развернутого статистического исследования результат получился весьма скромный.

«Связь между экономическим развитием и демократией, – пришли к выводу авторы работы, – достоверна (*robust*) только по отношению к электоральному компоненту демократии, узко истолковываемому как наличие конкурентных национальных выборов и процедурная честность электорального процесса. Другие аспекты демократии не связаны или слабо связаны с доходом». И далее добавляют: «Мы также обнаружили, что в то время как экономическое развитие предотвращает откат в электоральной демократии, оно не оказывает существенного влияния на демократизацию...» [3. Р. 11].

Последнее заключение лишь подтверждает результаты часто цитируемой работы А. Пшеворского с соавторами, в которой они не нашли убедительных свидетельств в пользу суждения о том, что экономическое развитие ведет к демократии (они назвали этот вариант эндогенной версией), но зато привели расчеты, говорящие в пользу другой, экзогенной версии, согласно которой экономическое развитие стабилизирует (поддерживает) уже существующую демократию и делает отход от нее маловероятным [4].

Дополнительные аргументы в пользу концепции А. Пшеворского и др. можно найти, например, в источнике [5]. Авторы подтверждают, что переход к демократии непредсказуем, так как по многочисленным наблюдениям он никак не коррелирован с экономическим ростом. Зато есть *уровень* развития, выраженный в ВВП на душу населения, начиная от которого и выше вероятность свертывания уже установившейся демократии близка к нулю. Этот уровень принят ими за \$ 8000 (доллары 2005 г.) и связан с тем, что крах демократии в Аргентине в 1976 г. произошел при показателе среднедушевого ВВП \$ 8 165. Во всех остальных случаях он имел место в более бедных странах.

Одновременно в работе приводится список демократий в условиях риска (демократических стран, где этот показатель ниже \$ 8 000). Здесь же дается объяснение, почему это так. В бедных странах ценность статуса диктатора относительно высока, а издержки его достижения – относительно низки. Тогда как в богатых странах – все наоборот. Завершают же авторы свое исследование следующим выводом: «Ученые могут много знать о демократии, но это знание не позволяет нам предсказать ее появление хоть сколько-нибудь достоверно. Зато мы определенно знаем, что демократии выживают в странах, которые богаче» [5]. Относительно «постулата Пшеворского» позволим себе заметить, что, весьма вероятно, продолжение наметившегося тренда на ограничение демократии в Польше, Румынии и, особенно, в Венгрии потребует существенной корректировки его количественных критериев с учетом среднедушевого ВВП этих стран.

Новым вкладом в аргументацию о стабильности демократии может быть недавно установленная ее прямая зависимость от степени социальной мобильности. Авторы статьи подтвердили интуитивное допущение А. де Токвиля о том, что потенциальная возможность перехода в другую социальную группу укрепляет демократию, но только при условии близости средних и медианных предпочтений (в таком случае медианный избиратель не захочет свергнуть демократию). В противном случае медианный избиратель будет настроен против демократии [6]. Фактически тем самым утверждается, что прочность демократии обратна степени социальной дифференциации (шведская демократия устойчивее американской, американская устойчивее бразильской).

Необъяснимое с точки зрения классической теории модернизации отсутствие статистической зависимости между экономическим развитием и демократией породило скорректированные версии видения модернизации. Один из участников обсуждения, – Д. Трейсман, отстаивает концепцию условной модернизации (*conditional modernization*). В чем ее суть? Она заключается в том, что экономическое развитие делает демократизацию более достижимой, но переход к ней не гарантирован.

Иначе говоря, связка «доход-демократия» оказывается вероятностной, но никак не строго детерминистской. Для перехода нужны так называемые триггеры, – дополнительные условия, служащие его запуску. По аналогии с химическими реакциями их можно назвать катализаторами. К таковым могут относиться: экономические кризисы, а также хрупкость самого авторитарного режима, которому бывает нелегко пережить смену автократа (независимо от того, мирная она или нет). В итоге страны с более высокими доходами с большей вероятностью переходят к демократии, но появление триггеров предсказать очень трудно. В то время как в менее развитых странах те же триггеры приводят только к смене одной автократии другой [7. Р. 33].

В целях подкрепления выдвинутой им концепции условной модернизации Д. Трейсман обращается к опыту Испании. Страна оставалась автократией с 1939 г. и до смерти диктатора Франко в 1975 г. Несмотря на то, что за этот отрезок времени ВВП на душу населения учетверился, переход Испании к демократии состоялся в период между 1975 и 1982 г., когда этот доход рос незначительно. С тех пор страна находится на том же уровне демократизации, хотя доход растет [7. Р. 34].

В дальнейшем Д. Трейсман более подробно описывает механизм демократизации, обусловленный такими триггерами, как экономический кризис или смена лидера. И приходит к заключению, что теория модернизации продолжает работать. Единственное исключение из нее, которое он видит – это Сингапур (лидер сменился, но мягкий авторитаризм на протяжении десятилетий при очень высоком душевом доходе сохраняется). В итоге утверждается, что «теория условной модернизации дополняет, что такой переход (от авторитаризма – к демократии. – А.З.) более вероятен в год экономического кризиса и смены лидера, но надо остерегаться от его ожидания на любой конкретной пороговой величине дохода» [7. Р. 36].

Двигаясь от фактического признания классической теории модернизации К. Бошом (разве что с самыми минимальными поправками) к концепции условной модернизации Д. Трейсмана никак нельзя пройти мимо пересмотренной (revised) теории модернизации Р. Инглхарта и К. Вельцеля [8]. Первый называет ее в своей последней книге эволюционной теорией модернизации [9], а второй предпочитает говорить о теории эмансипации [10; 11]. На них необходимо задержаться подольше, поскольку современную теорию модернизации невозможно представить без их вклада. Она олицетворяет собой наиболее значимую на сегодняшний день ее модификацию. Отличает ее не столько современный инструментарий в виде эконометрической обработки огромных массивов самых разнообразных данных (таковая присутствует у всех авторов, ведущих разговор об отношении демократии к экономическому развитию), сколько богатство вписанных в нее концепций.

Начнем с их совместной работы, изданной в России в 2011 г. Именно в ней они сформулировали новое видение модернизации, которое интегрировало «социально-экономическое развитие, изменения в сфере культуры и демократизацию в рамках единого процесса человеческого развития» [8. С. 10]. Авторы согласились с главным постулатом исходных версий теории модернизации: в основе всех изменений лежит социально-экономическое развитие. В последней своей книге Р. Инглхарт даже пишет: «Классический марксистский экономический детерминизм, видимо, оправдан» [9. С. 70]. И основанные на нем изменения идут в целом в предсказуемом направлении. Причем «основой динамики человеческого развития является расширение свободы выбора и личной независимости» [8. С. 12].

Общая же направленность движения такова: социально-экономическое развитие → культурные изменения → институциональные изменения. Главное отличие от предыдущих версий теории модернизации в том, что важнейшая роль отводится теперь изменениям в культурной сфере, которые ранее либо игнорировались, либо недооценивались. По мере экономического развития на место ценностей выживания приходят ценности самовыражения, которые находят, в частности, свое закрепление в институтах демократии. Авторы видели сложность реального исторического процесса и подчеркивали, что он – не линейный и не напоминает движение к концу истории. «Прогресс нельзя считать неизбежным. Изменения ценностей, связанные с разными этапами модернизации, носят обратимый характер» [8. С. 40].

В рассматриваемой дискуссии принял участие К. Вельцель. В статье он сжато изложил собственное видение модернизации, которую в индивидуальной монографии отождествил с эмансипацией [10]. Модифицируя ранее опубликованную в совместной с Р. Инглхартом книге теорию, он обогатил ее сразу несколькими концепциями, среди которых: лестница полезности свобод, эволюционная эмансипация, тезисы (как их именует автор) источника, последовательности и заражения, а также описывающие первый из них ВАПК-условия (ВАПК – водная автономия в прохладном климате). Для

их понимания нужно обратиться к логике взглядов автора на историю человечества. И проще всего начать со схемы, демонстрирующей это авторское видение (рис.).

Эволюционная теория эмансипации «связывает источник человеческой эмансипации со стремлением людей к освобождению, то есть к жизни, свободной от внешнего доминирования» [10. С. 388]. В соответствии с традиционными канонами теории модернизации специально оговаривается единство (в главном) человеческой природы: все люди на Земном шаре в этом своем стремлении одинаковы.

ВАПК-условия, согласно К. Вельцелю, как экзогенный фактор экономического развития доминировали, естественно, в Северо-Западной Европе. И впоследствии «протестантизм и институты “белых поселенцев” развились *исключительно* в тех обществах, где ярко выражено ВАПК-условие...» [10. С. 354]. Правда, Япония, согласно автору, тоже занимает зону ВАПК. Как же такая зона способствовала развитию?

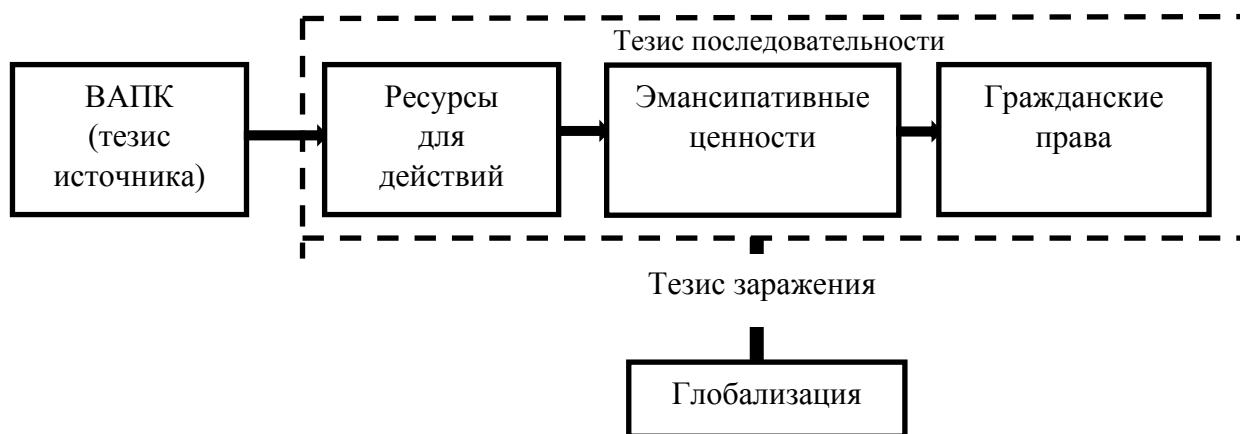

Рис. Модернизация как эмансипация

Одна из предлагаемых логических цепочек такова: в этой зоне не требовалось масштабной ирригации, следовательно, не было нужды в массах народа, что сказывалось на демографическом поведении. На место стратегии размножения пришла стратегия развития, – инвестиции в экономическую продуктивность пришли на смену инвестициям в демографическую продуктивность. Более высокое качество работников создавало условия для технологического прогресса. До 1450–1500 гг. это преимущество не действовало, так как нужно было еще дополнительное условие – городские рынки. Только «в контексте рынков водная автономия создает производные автономии, такие, как автономность выхода на рынок с идеями, навыками и продукцией – движущими силами технологического прогресса» [10. С. 339]. В свою очередь «технологический прогресс – это основополагающий фактор человеческой эмансипации, из которого проистекают эмансипативные ценности и гражданские права» [Там же].

Итак, ВАПК-условия дали исходный, внешний (независящий от человеческой деятельности) импульс к технологическому прогрессу (тезис источника). Он же обеспечивает ресурсы для действий, которые делятся на материальные, интеллектуальные и коммуникативные. Их появление и развитие объективно повышает полезность свобод, поскольку именно свободы оказываются условием эффективной их эксплуатации (например, пользование железными дорогами предполагает наличие свободы передвижения, а пользование интернетом – свободы потоков информации). И тогда происходит подъем по лестнице полезности свобод – переход к эмансипативным ценностям: все большее признание находят независимость выбора и наличие равных возможностей. Далее же эмансипативные ценности (то есть ценности свобод) требуют своего оформления и закрепления в формальных институтах: люди добиваются гражданских прав, которые складываются из прав на личную автономию и прав на политическое участие. Гарантируя законодательно эти права, общество как бы выписывает лицензию на свободы. Последовательный подъем по лестнице свобод от ресурсов для действий к гражданским правам (тезис последовательности) означает осуществление модернизации как эмансипации.

Тезис заражения [10. С. 369-371] завершает выстроенную картину. С конца XX в. (примерно с 1980 г.) технологический прогресс освобождается от ограничений, связанных с ВАПК-условиями. Они играют в нем все меньшую роль. Зато усиливается роль экспансии ценностей и институтов мо-

дернизированных обществ через процесс глобализации. Происходит нечто вроде «заражения» ими отстающих от модернизации стран.

Трактовка модернизации как эмансипации К. Вельцелем дополняется видением модернизации как эволюционного процесса Р. Инглхартом. В его эволюционной теории модернизации причинно-следственные связи очень близки к тем, что сформулировал К. Вельцель: «...экономическое развитие приносит экономическую и физическую безопасность и уменьшает уязвимость к болезням, что в совокупности благоприятствует большей открытости культуры и, в свою очередь, ведет к демократизации и более либеральному социальному законодательству» [9. С. 35]. Р. Инглхарт выделяет две шкалы культурных ценностей, которые складываются под влиянием экономического развития: секулярно-рациональные ценности и ценности самовыражения (последние не тождественны, но во многом сходны с эмансипативными ценностями по Вельцелю). И видит в добавлении последних главное отличие его теории модернизации от классических трактовок, начиная с М. Вебера и др. При этом основной компонент ценностей самовыражения – это «отсутствие пиетета по отношению к любым формам внешнего принуждения» [9. С. 67].

Эволюционная теория модернизации предполагает постепенное замещение традиционных ценностей секулярно-рациональными, а ценностей выживания – ценностями самовыражения. Со времен появления совместной работы Инглхарта-Вельцеля хорошо известны построенные ими распределения местоположений стран мира в координатных осях, где на абсциссе представлены ценности выживания/самовыражения (чем дальше от начала координат, тем больше баланс смещается в пользу самовыражения), а на ординате – традиционные/секулярно-рациональные ценности (и опять же, чем дальше от начала координат, тем большее значение приобретают последние в ущерб традиционным). Значения по абсциссе и ординате рассчитываются для каждой страны на основе универсальной выборки ответов респондентов из проекта «Глобальный обзор ценностей» (World Values Survey). Использование данных за разные годы дает наглядную картину движения стран по шкалам вышеуказанных ценностей [9. С. 90].

По мере успешного экономического развития в обществе все больше утверждаются ценности самовыражения, и это – дорога к демократии. Дело в том, что воплощение этих ценностей в поведение затруднено или даже просто невозможно при авторитарном правлении. В то же время просвещенные в ходе экономического развития массы обретают способность к коллективным действиям и оказывают все более сильное давление на правящие элиты ради обретения отвечающих этим ценностям прав. В конечном счете при сильном напоре власть имущие могут осознать, что сопротивление требованиям снизу и уступить им становится для них все более затратным (во всех смыслах): «...экономическое развитие приносит демократию через изменение ценностей и поведение людей» [9. С. 167].

Р. Инглхарт, также как и К. Вельцель, подчеркивает глобальный и универсальный характер предложенной им логики модернизационного процесса. Четвертая глава его книги так и называется «Глобальные культурные закономерности». В ней речь идет о том, что, несмотря на устойчивость традиционных культур, в мире наблюдается сдвиг в пользу ценностей самовыражения. Правда, аналогичный сдвиг в пользу секулярно-рациональных ценностей не происходит. Тем не менее «распространение ценностей самовыражения привело к тому, что демократия, а не авторитария становится наиболее вероятным будущим...» [9. С. 73].

Р. Инглхарт не принимал участия в рассматриваемой дискуссии. Однако вклада К. Вельцеля было вполне достаточно для представления пересмотренной теории модернизации, как она была названа в их совместной работе [8]. Последующие ее модификации (как у Р. Инглхарта, так и у К. Вельцеля) внесли существенные дополнения, но не изменили ее фундаментальной основы.

Далее в полемике на авансцену вышли противники теории модернизации. Первыми свою позицию изложили Д. Асемоглу и Дж. Робинсон [12]. Их главный тезис: экономический рост, вопреки утверждению С. Липсета, не ведет к демократии. Он подтверждался эконометрическим анализом в двух статьях [13; 14] и излагался вербальным языком в их научно-популярной книге [15. С. 584-588]. Затем обсуждение перешло в то, что можно назвать «жонглированием эконометрикой». Дело в том, что после опубликования указанных статей ряд авторов за счет применения иных приемов технического анализа опровергали полученные в них результаты. Д. Асемоглу и Дж. Робинсон указывают на ошибки оппонентов и ссылаются на те работы, которые также используют новые технические прие-

мы и тем не менее подтверждают вывод об отсутствии статистической зависимости между экономическим развитием и демократизацией [12. Р. 27].

Д. Асемоглу и Дж. Робинсон обращают внимание на первых критиков классической теории модернизации. Среди них упоминается работа Г. О'Доннелла [16], который пришел к выводу, что крах демократии происходил в наиболее экономически успешных латиноамериканских странах. В своей же книге они формулируют вывод о том, что «вопреки постулатам модернизационной теории, не следует рассчитывать, что авторитарный рост обязательно приведет к демократии» [15. С. 588]. У этого роста есть свои пределы: он сворачивается, если несет реальную угрозу авторитарной власти.

Д. Асемоглу и Дж. Робинсон не соглашаются даже с теорией условной модернизации. Ученые обращают внимание на то, что надо прежде всего понять расходящиеся пути политического развития стран. В районе 1500 г. демократий не существовало и уровень экономического развития государств Запада и Востока был примерно одинаков. Затем началось «Великое расхождение». Оно было связано с появлением двух противоположных типов политических институтов. «Начальные условия создали инклюзивные и экстрактивные институты, которые затем поставили общества на различные долгосрочные пути душевого дохода, модернизации и развития» [12. Р. 28].

В статье из материалов дискуссии Д. Асемоглу и Дж. Робинсон раскрывают, как экстрактивные институты тормозят развитие в Латинской Америке. Они описывают их суть как преобладание доминирования, заложенное при формировании социальных порядков. Для этих порядков была характерна кастовая иерархия: во главе были испанцы, родившиеся на полуострове, то есть в самой Испании (*Peninsular или Spaniard*); после них в этой иерархии шли креолы (потомки испанцев, родившиеся в Латинской Америке), потом индио (*Indio*) – представители коренного индейского населения, и замыкали иерархию негры (*Negro*) – выходцы из черной Африки. Из принципа доминирования проистекает, например, нынешний мексиканский неформальный институт *amparo*, – исключение из равенства перед законом. Статья завершается следующим выводом: «Это структура доминирования и ее наследие, которые сформировали латиноамериканский путь политического развития и одновременно препятствовали экономическому росту, и сделали таким трудным построение демократии» [12. Р. 30].

Если выделить основное возражение Д. Асемоглу и Дж. Робинсона против теории модернизации, то оно сведется к следующему: не экономическое развитие определяет институты, а институты – экономическое развитие. Однажды в прошлом сложившиеся институты надолго вперед задают вектор движения стран мира (тут явно прослеживается приверженность концепции зависимости от исторического пути) и сменить его – очень непростая задача. Та же Латинская Америка почти за 200 лет независимости не превратилась в США, несмотря на более чем многочисленные реформы. «Невозможно сконструировать процветание» [15. С. 589].

Более радикальное неприятие теории модернизации демонстрирует завершающая дискуссии статья Г. Мунка [17]. Для начала он отмечает две «приливные волны» теории модернизации в XX в. (в 50-60-е гг.) и в 90-е гг. И два периода упадка: в 70-80-е гг. и в настоящее время. Понятно, что оптимизм в отношении построения здоровых рыночных экономик и, особенно, демократий в странах III мира сильно поубавился в 70-80-е гг. прошлого века. Но тут «на выручку» пришел крах мировой социалистической системы.

Символом возрождения теории модернизации стала знаменитая книга Ф. Фукуямы [18]. И попутно заметим, что дело далеко не только в ней. Социальные науки стали в то время буквально насыщены так называемой транзитивностью (транзитивная экономика, транзитивное общество и т.п.). В духе теории модернизации вполне допускалось, что все вышедшие из социализма страны пойдут по пути к эффективному рынку, правовому государству и демократии. Однако уже в нулевые годы XXI в. снова наступает разочарование. Характерно, что в изданной в 2008 г. фундаментальной 8 томной экономической энциклопедии (так называемом «Новом словаре Пэлгрейва») уже не нашлось места для «транзитивной экономики». О проблеме транзитивности напоминает только статья П. Муррелла «Переход и институты» (*Transition and Institutions*), в которой довольно критически оцениваются реформы 90-х г. XX в. [19].

Полемика Г. Мунка с теорией модернизации разворачивается в стандартном для такого рода дебатов ключе. Она «обвиняется» в экономическом редуccionизме и идее монолинейного развития (*unilinear development*). И прослеживает происхождение этой, как выражается Г. Мунк, метатеории еще от А. Смита [18. Р. 37]. Впрочем, заметим, что и сами «модернизаторы» не отрицают своего исторического наследия. В числе «отцов-основателей» через запятую перечисляются такие фамилии,

как Маркс, Вебер, Дюркгейм, Спенсер [9. С. 64]. Да и экономический редукционизм тоже не отрицается (Р. Инглхарт, как было показано выше, соглашается с экономическим детерминизмом Маркса). И вряд ли приверженцам теории модернизации стоит сетовать на необъективность оппонентов, когда в их трудах встречаются утверждения о том, что их роднит с марксистским миропониманием «безальтернативность пути развития человеческой цивилизации» [20. С. 14].

В полемике с Р. Инглхартом и К. Вельцелем Г. Мунк обращает внимание на следующие обстоятельства: а) по сравнению с С. Липсетом, они сужают временной горизонт воздействия экономического развития на демократию постиндустриальной экономикой (с 1970-х г.); б) с их точки зрения демократия генерируется лишь основанном на определенных ценностях массовым спросом на нее без серьезного сопротивления элит; последние просто «поставляют» демократию в ответ на запрос масс. Г. Мунк в противовес им утверждает, что спрос на демократию, по крайней мере частично, строится на экономических интересах, и что акторы требуют демократии не только после того, как их материальные нужды удовлетворены [18. Р. 39].

Вмешиваясь в полемику Г. Мунка с Р. Инглхартом и К. Вельцелем, нельзя не увидеть, что выдвигаемые последними в качестве причины разворота к демократии эмансипативные ценности или ценности самовыражения действительно есть продукт последних трех-четырёх десятилетий. К. Вельцель в перечень эмансипативных ценностей включает: автономию, выбор, равенство, голос. Автономию он измеряет как отношение респондента к автономии детей: если респондент признает их независимость, а также считает их воображение предпочтительным качеством по сравнению с послушанием, то с эмансипативными ценностями у него все в порядке. Свободу выбора он ограничивает репродуктивной сферой: насколько приемлемыми респонденты считают развод, аборт и гомосексуальность. Равенство он измеряет эксклюзивно через гендерное равенство. Более-менее традиционно определяется лишь голос: защита свободы слова и учет мнения людей при принятии важных государственных решений, в местном сообществе и на работе [10. С. 94]. Примерно такое же понимание структуры ценностей самовыражения и у Инглхарта [9. С. 65-66]. В то же время демократия значительно старше. Всеобщее (как для мужчин, так и для женщин) избирательное право появилось в Финляндии в 1906 г., еще в эпоху Российской империи. А первой в этом вопросе была Новая Зеландия (1893 г.). Вряд ли это было вызвано к жизни эмансипативными ценностями или ценностями самовыражения по Инглхарту-Вельцелю. О многих из них тогда и не догадывались.

Г. Мунк подчеркивает, что введение корректирующих условий перехода к демократии (сверх роста доходов) есть отход от оригинальной концепции С. Липсета (ранее в статье мы это видели на примере теории условной модернизации). Например, привычное для многих исследователей вопроса исключение из выборки стран-экспортеров нефти, поскольку нефтяная рента негативно влияет на демократию. Или же учет при определении влияния экономического развития на демократию таких привнесенных обстоятельств, как идеология правителей или глобальный политический порядок. Все эти и подобные подходы рассматриваются как поддержка ими де факто альтернатив теории модернизации [18. Р.40].

По мнению Г. Мунка, с одной стороны, новейшие разновидности теории модернизации не приносят ничего принципиально нового в социальные знания по сравнению с тем, что было уже хорошо известно к середине XIX в. С другой же стороны, дают такие ее интерпретации, которые, в сущности, являются ее опровержением. В результате «теория модернизации – это провалившаяся теория», которая «сталкивается с принципиальными теоретическими и эмпирическими слабостями». Поэтому «отказ от теории модернизации раз и навсегда будет признаком научного прогресса» [18. Р.40].

Безусловно, можно не соглашаться со столь категоричной позицией. Тем не менее сейчас реже можно встретить безусловную поддержку теории модернизации, которая еще была довольно распространена 10 лет назад. Так, в обзоре разных позиций относительно постулата С. Липсета, Ю. Вухерпфенниг и Ф. Дойч пришли к заключению об его правоте: «... данные свидетельствуют о том, что исходный тезис Липсета несомненно находит эмпирическую поддержку...» [21]. Дискуссия же 2018 г., о которой шла речь выше, не дает оснований для такого вывода. Даже К. Бош, отстаивая позицию С. Липсета, делает специальную оговорку относительно временных периодов. Прочие же по-разному дорабатывают и трансформируют теорию модернизации, определяя ее как условную или пересмотренную. Не говоря уже о тех, кто ее опровергает.

Интересно заметить, что практически параллельно с рассмотренной выше дискуссией о модернизации развернулась дискуссия о модернизации на российском интернет-портале inliberty.ru [22-27].

Как видим, Д. Трейсмэн также принял в дискуссии участие, однако в ходе нее рассматривалась преимущественно так называемая низовая или, иначе говоря, бытовая модернизация (*grassroots modernization*) и ее особенности в России. Наиболее убедительной представляется точка зрения Л. Гудкова, согласно которой в России «есть сегменты, где рационализация и — если это можно так назвать — модернизация очень сильно развиты, но они не переходят на базовые институты» [24]. Модернизация бытовой сферы не рождает переворот в политико-экономических порядках. Причем, заметим, это не какая-то особенность России, а довольно универсальное явление. Об этом писал еще С. Хантингтон в своем знаменитом труде «Столкновение цивилизаций»: «Выдвигаемый аргумент о том, что распространение по всему миру поп-культуры и потребительских товаров олицетворяет триумф западной цивилизации — это ополнение западной культуры. Суть западной цивилизации — это *Magna Carta*, а не *Magna Mac Donald's*. Тот факт, что жители не-Запада могут укутить гамбургер, не подразумевает, что они примут первое» [28. С. 77-78].

Наложение выведенного из истории Западной Европы трафарета (рыночная экономика породит средний класс, а тот вскоре потребует демократии) на альтернативные Западу цивилизации не работает. Не случайно участник последней из дискуссий, — политолог К. Рогов, приводит пример с американским экономистом Г. Роуэном, который раз в 20 лет предсказывает превращения Китая в демократическую страну двадцать лет спустя. Последний такой прогноз говорил о том, что по критерию организации Freedom House Китай станет частично свободным к 2015 г. и полностью свободным к 2025 г. [22]. По оценке этой организации, как в 2015 г., так и в 2017 г. Китай оставался полностью несвободным, имел низший рейтинг по разряду политических прав (7 баллов) [29], а также без каких перспектив его повышения.

Совсем недавно была предпринята отдельная попытка сформулировать принципиально новую теорию модернизации для эпохи «невесомой экономики» (*weightless economy*), то есть экономики знаний [30]. Показав определенную неадекватность классической теории модернизации из индустриальной эпохи грядущей экономической реальности и призвав изучать общественное развитие в его целостности, автор пытается наметить контуры инновационного подхода. Не вдаваясь в подробности авторского проекта, лишь отметим, что ключевым моментом в нем является создание пользующейся доверием формы правления (*credibility polity*). Предлагается революционный рецепт: что-то вроде схемы непрерывного голосования за или против членов правительства, которое исключит посредников, избирательные кампании и т.п. Дополняет эту схему система конкурирующих правительств. В отличие от прочих теорий модернизации, строящихся на обобщениях прошлого опыта развития, это видение обращено в будущее. Поэтому есть основания назвать его футуристической моделью модернизации.

В целом же констатируем, что относительно сегодняшнего положения дел с теорией модернизации можно сделать следующие заключения:

а) опорный тезис теории модернизации (постулат Липсета) о переходе к демократическому правлению как прямому следствию экономического развития все реже подтверждается эмпирическими исследованиями и потому в своем чистом виде находит все меньше сторонников;

б) пока сохраняется интерпретация экономического развития не как условия возникновения демократии, а как препятствия при достижении определенного его уровня (порога в виде среднедушевого ВВП) краха демократии (постулат Пшеворского);

в) современные разработки теории модернизации ведут к появлению ее новых, существенно модифицированных трактовок: условной модернизации и пересмотренной теории модернизации в двух ее разновидностях (эволюционной и эмансипативной), которые, наряду с экономическим развитием, вводят дополнительные необходимые условия демократизации;

г) теория модернизации не пользуется всеобщим признанием в академическом сообществе: она встречается с опровержениями на эмпирическом и альтернативами на теоретическом уровнях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lipset S.M. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // American Political Science Review. 1959. Vol. 53. №. 1. P. 69-105.
2. Boix C. Richer, More Equal, and More Democratic // Annals of Comparative Democratization. 2018. Vol. 16. №. 3. P. 12-16.
3. Knutsen C.H. et al. Economic Development and Democracy: A Disaggregated Perspective // Annals of Comparative Democratization. 2018. Vol. 16. №. 3. P. 7-11.

4. Przeworski A. et al. *Democracy and Development*. New York: Cambridge University Press. 2000.
5. Cheibub J.A., Vreeland J.R. *Modernization Theory: Does Economic Development Cause Democratization?* // *The Oxford Handbook of the Politics of Development* / C. Lancaster & N. van de Walle (eds.). Online publication. 2016. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199845156.013.26.
6. Acemoglu D., Egorov G., Sonin K. *Social Mobility and Stability of Democracy: Reevaluating De Tocqueville* // *Quarterly Journal of Political Economy*. 2018. Vol. 133. № 2. P. 1041-1105.
7. Treisman D. *Triggering Democracy* // *Annals of Comparative Democratization*. 2018. Vol. 16. № 3. P. 32-36.
8. Инглхарт Р., Вельцель К. *Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития*. М.: Новое издательство, 2011.
9. Инглхарт Р. *Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир*. М.: Мысль, 2018.
10. Вельцель К. *Рождение свободы*. М.: АО «ВЦИОМ», 2017.
11. Welzel C. *Modernization and Democracy: An Emancipatory Nexus* // *Annals of Comparative Democratization*, 2018. Vol. 16. № 3. P. 18-25.
12. Acemoglu D., Robinson J. A. *Beyond Modernization Theory* // *Annals of Comparative Democratization*. 2018. Vol. 16. № 3. P. 26-31.
13. Acemoglu D. et al. (2008). *Income and Democracy* // *American Economic Review*. 2008. Vol. 98. № 3. P. 808-842.
14. Acemoglu D. et al. *Reevaluating the Modernization Theory* // *Journal of Monetary Economics*. 2009. Vol. 56. P. 1043-1058.
15. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. *Почему одни страны бедные, а другие богатые. Происхождение власти, процветания и нищеты*. М.: АСТ, 2015.
16. O'Donnell G. *Modernization and Bureaucratic Authoritarianism: Studies in South American Politics*. Berkley: University of California International Institute, 1973.
17. Munk G.L. *Modernization Theory as a Case of Failed Knowledge Production* // *Annals of Comparative Democratization*. 2018. Vol. 16. № 3. P. 37-41.
18. Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. New York: The Free Press. 1992.
19. Murrell P. *Transition and Institutions* // *The New Palgrave Dictionary of Economics Online* / S.N. Durlauf & L.E. Blume (eds.). Palgrave Macmillan. 03 January 2009. URL: http://0-www.dictionaryofeconomics.com.library.lemoyne.edu/article?id=pde2008_1000264.
20. Doi:10.1057/9780230226203.1734
21. *Россия как цивилизация: материалы к размышлению* / О.И. Шкаратан, В.Н. Лексин, Г.А. Ястребов (ред.). М.: Мир России, 2015.
22. Wucherpfennig J., Deutsch F. *Modernization and Democracy: Theories and Evidence Revisited* // *Living Reviews in Democracy*. 2009. URL: <http://www.cis.ethz.ch/research/living-reviews-in-democracy.html>
23. Рогов К. *Слон и кит российской социальности. Работает ли теория модернизации в мире, Китае и России?* 30.11.2018. URL: <https://www.inliberty.ru/article/modern-rogov/>
24. Трейсмэн Д. *Модернизация, демодернизация и генерал Франко. Условия и триггеры модернизации*. 30.11.2018. URL: <https://www.inliberty.ru/article/modern-treisman/>
25. Гудков Л. *Рационализация повседневности и слепые зоны. Частная жизнь и общественный уклад*. 30.11.2018. URL: <https://www.inliberty.ru/article/modern-gudkov/>
26. Панеях Э. *Отмирание государства. Российское общество между постмодерном и архаикой*. 30.11.2018. URL: <https://www.inliberty.ru/article/modern-paneyakh/>
27. Волькенштейн М. *Разнообразие и приспособленчество. Как и в чем модернизируется российское общество?* 30.11.2018. URL: <https://www.inliberty.ru/article/modern-volkenstein/>
28. Магун В. *В кругу «личной эффективности». Разгосударствление постсоветского человека*. 30.11.2018. URL: <https://www.inliberty.ru/article/modern-magun/>
29. Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ, 2003.
30. *Freedom in the World 2018. Democracy in Crisis*. URL: <https://freedomhouse.org/content/freedom-world-data-and-resources>
31. Goorha P. *Modernization Theory* // *Oxford Research Encyclopedia of International Studies* / R. Marliin-Benett (ed.). Online publication. 2017. DOI: 10.1093/acrefore/9780190846626.013.266.

Поступила в редакцию 31.01.2019

Заостровцев Андрей Павлович, кандидат экономических наук, профессор
Департамент государственного администрирования Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (С.-Петербург);
научный сотрудник Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге
190121, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16
E-mail: zao-and@yandex.ru

A.P. Zaostrovtssev

**DISCUSSION ABOUT MODERNIZATION:
DOES ECONOMIC DEVELOPMENT LEAD TO DEMOCRACY?**

The participants of discussion review the thesis that economic development explains the rise and persistence of democracy, often referred to as the “Lipset thesis” after Seymour Lipset’s 1959 article. Most of the authors suggest that modernization theory in its most “simple version” rests on shaky empirical foundations. That is, at best there seems to be limited evidence in favor of the hypothesis that a change in income in a given year produces an unconditional, instantaneous change in the likelihood of democracy. Several of the contributions point to substantial evidence in favor of a more refined version of modernization theory, suggesting that increasing income promotes democracy i) in the medium or long-term and ii) conditional on certain “triggers” of authoritarian regime breakdown. It should be noted that there seems to be more evidence in favor of a link between income and democratic sustainability (“Przeworski thesis”). When considering democratic survival, income may even have an unconditional effect and an instantaneous effect. C. Welzel sketches how increases in material resources (such as money) and cognitive resources (such as education) shifts people’s preferences from existential concerns to freedom and self-realization – as part of “emancipative values”. D. Acemoglu and J. Robinson claim that there is no tendency for countries to become more democratic as they become more ‘modernized’ whether in terms of higher levels of income per-capita or education. The initial conditions created inclusive or extractive institutions which then put the societies onto very different long run paths of modernization and development. G. Munk declares that the majority of studies go against the expectations of modernization theory, suggesting that there is no positive or a negative income-democracy link. He concludes that modernization theory is a failed theory. We need to set it aside and move on to more promising avenues of research.

Keywords: modernization theory, income-democracy link, Lipset thesis, conditional modernization, triggers, sustainability of democracy, Przeworski thesis, emancipative values, extractive institutions, inclusive institutions, modernization as failed theory.

Received 31.01.2019

Zaostrovtssev A.P., Candidate of Economics, Professor at Department of State Management
National Research University “Higher School of Economics” (St. Petersburg);
Research Fellow at Center for Modernization Studies, European University at St. Petersburg
Soyuza Pechatnikov st., 16, St. Petersburg, Russia, 190121
E-mail: zao-and@yandex.ru